

М. И. Зельников

К истории литургической практики Православной церкви в XX веке в условиях гонений: использование священных предметов и веществ

В работе исследуются возможные внешние и внутренние причины некоторых особенностей практики использования в Русской православной церкви хлеба и вина, а также священных сосудов и облачений при совершении евхаристии в условиях гонений. Предвидя грядущие лишения, Поместный собор 1917–1918 гг. разрешил, в случае необходимости, совершать евхаристию на ржаном хлебе и ягодных соках, используя упрощенные и дешевые сосуды и облачения. Мы исследуем, почему впоследствии при отсутствии пшеничного хлеба и вина одни священнослужители, тем не менее, отказывались от совершения евхаристии, а другие совершали ее на хлебе любого состава и соках или даже на воде, используя бытовую посуду и нестандартные облачения. Мы показываем, что под идейным влиянием Собора в практике исповедников веры XX в. появились следующие тенденции: 1) исчезновение в литургических действиях черт, отражающих «симфонию» церкви и государства; 2) ослабление схоластических требований к составу веществ таинства; 3) отход в символическом толковании евхаристии от «антиохийской» интерпретации литургии как истории спасения к «александрийской» интерпретации этого таинства как реального соучастия верных в Тайной вечере.

ключевые слова: новомученики и исповедники XX в., евхаристия, богословие, литургическая практика, священные предметы, вещества таинства.

Введение

Литургический опыт новомучеников и исповедников Российских в XX в. является важной, но до сих пор еще мало изученной областью истории Русской православной церкви. Известно, что многие святые XX в. совершали Божественную литургию не только в храмах, но также в ссылке и в заключении, где это богослужение иногда имело отличия в литургических действиях и могло быть лишено многих привычных внешних атрибутов. Засвидетель-

становленные источниками изменения в практике совершения исповедниками веры Божественной литургии в условиях гонений требуют осмысления: насколько причиной изменений в богослужбной практике стали экстремальные внешние условия? В какой мере они свидетельствуют о переосмыслении священнослужителями совершаемых литургических действий и молитв? Настоящая статья посвящена «материальной» стороне совершения Божественной литургии. Мы выявляем, какие вещества исповедники веры употребляли для приготовления святых Даров, какие и как использовали священные сосуды и облачения. Анализируя выявленные факты, мы предпринимаем попытку понять, в какой степени данные особенности были вызваны внешними обстоятельствами и как они были связаны с эволюцией литургического смысла совершаемых священнодействий.

1. Хлеб и вино

Известно, что в I–II вв. евхаристия совершалась на том хлебе и вине, которые использовались для повседневного употребления. Палестинские христиане I в. употребляли в пищу хлеб не только из пшеницы, но и из ячменя, который был более дешевой и традиционной для иудеев зерновой культурой¹. Евсевий Кесарийский не пишет о том, что у христиан возникали проблемы с качеством хлеба и вина для евхаристии, несмотря на гонения, войны, повторяющиеся эпидемии и вспышки голода в Римской империи в I–III вв. Литургико-канонические памятники II–IV вв., регламентирующие норму совершения евхаристии в этот период, не предъявляют каких-либо особых требований к качеству хлеба и вина. В IV в. хлеб на литургии продолжает оставаться того же качества, что и обычный хлеб (см. Приложение, п. 1).

Эти факты естественно объясняются литургическим сознанием ранней церкви. В апостольский век Тело Христово христиане видели, прежде всего, в церковном собрании: «Вы — тело Христова, и в отдельности — члены»^{*1}. Главным в евхаристической трапезе была радость о присутствии в собрании воскресшего Христа и молитва о пришествии Его Царства². Причастие воспринима-

^{*1} 1 Кор 12:27

1. «В древности иудеи употребляли в пищу в основном ячменный хлеб (см., напр.: Быт 26:12; Суд 7:13; 4 Цар 4:42; Руфь 1:22), позднее он постепенно вытесняется пшеничным, тогда как ячменный хлеб остается пищей бедняков. В I в. ячмень

еще остается распространенным дешевым сортом зерна (Ин 6:9, Откр 6:6).

2. «Святая Евхаристия возникла как ежедневное торжество радости и надежды воскресения, присутствия Христа воскресшего и ожидания явления Его Царствия» [Кумарьянос, 437].

лось не только как «святая жизнь, которую мы получаем от Господа, но и мистическое Тело, к которому мы принадлежим и которое мы разделяем друг с другом в Нем»³ [Taft 2008, 118–119]. К составу хлеба и вина не предъявлялось особых требований, поскольку Телом и Кровью Христа они являлись не в силу своих материальных свойств, а в силу единства во Христе евхаристического собрания, которое их приносит⁴. В IV в. акценты в осмыслении таинства смещаются: каждая Божественная литургия воспринимается как Тайная Вечеря, где Христос действует через епископа (или пресвитера), который возглавляет полноту местной церковной общины, собранной на евхаристию [Кумарьянос, 441]. Действие Святого Духа преобразовывает хлеб и вино в Тело и Кровь Христа и делает всех верующих членами единого Тела Христова через причащение [Кумарьянос, 442]. В этом богословии, отраженном в текстах литургий свт. Василия Великого и свт. Иоанна Златоуста, наряду с единством верующих в любви, хлеб и вино становятся необходимым условием причащения Телу и Крови Христа, поскольку они символизируют хлеб и вино Тайной вечери. При этом к составу хлеба и вина не предъявлялось особых требований, поскольку их роль в таинстве евхаристии связывалась не столько с их составом, сколько с их местом в литургических действиях.

Церковь не уделяла особого внимания тому, на каком хлебе совершается евхаристия, вплоть до XI в., когда между западными и восточными богословами возникла полемика о возможности литургического использования квасного хлеба или опресноков [Erickson, 152]. Восточные авторы утверждали, что не опресноки, а только квасной хлеб может быть Телом Христа в евхаристии. С этого времени состав хлеба становится элементом евхаристического символизма⁵.

В Российской церкви через изданное в XVII в. в качестве прибавления к Служебнику «Известие учительное» (см. Приложение, п. 2) как общая норма была зафиксирована традиция Восточной церкви совершать евхаристию на квасном хлебе из пшеничной муки лучших сортов и на чистом виноградном вине. Согласно документу, продукты должны быть годными к употреблению

3. Здесь и далее перевод цитат на иностранном языке мой. — М. З.

4. «Единственно необходимыми условиями для общения с Богом являются любовь и общение между самими верующими. Вот почему анафоре предшествует целование мира, как исповедание

любви верных друг ко другу. Тогда собрание становится общением любви» [Koumarios].

5. «...Одна лежащая в основе предпосылка оставалась постоянной: использование квасного хлеба в евхаристии есть необходимая гарантия православной христологии» [Erickson, 137].

и не испорченными и иметь свойственные хлебу и вину вид и вкус, в противном случае таинство не совершится. Богословским основанием этой нормы, взятой из Требника Петра Могилы 1646 г., является учение о четырех условиях, необходимых для совершения таинства: законно рукоположенном священнике, его намерении совершить таинство, наличии надлежащих веществ и произнесении тайносовершительных слов «приимите, ядите...» и «пейте от нея вси...». Согласно изложенному в Требнике учению, таинство не совершается при нарушении хотя бы одного из условий, например, если вещества таинства не имеют каких-либо существенных признаков, позволяющих назвать их хлебом и вином. Действие благодати Божьей в таинстве, таким образом, считается обусловленным наличием определенных веществ на престоле и произнесением священником над ними слов Христа [Требник, 235–236]. Это понимание мало отличается от католического учения о совершении таинств “*ex opere operato*”.

Поскольку дефицит пшеничного хлеба и вина надлежащего качества стал в некоторых епархиях достаточно острым уже в 1917 г., на Поместном соборе 1917–1918 гг. обсуждалась проблема совершения евхаристии в условиях нехватки этих продуктов. При рассмотрении этого вопроса в Отделе о богослужении, проповедничестве и храме члены Собора пришли к согласию в том, что в случае необходимости можно допустить снижение качества пшеничной муки или даже заменить пшеничную муку на ржаную; а виноградное вино заменить ягодным вином или ягодными соками. Высшее церковное управление на основании доклада данного Отдела разослало по епархиям соответствующее циркулярное распоряжение (см. Приложение, п. 3). Следует отметить, что Собор не рассматривал воду в качестве допустимой замены евхаристического вина. Крайняя форма замены виноградного вина, предлагавшаяся в соборном обсуждении, но не вошедшая в разосланное распоряжение, предполагала использование для евхаристии любого напитка, вызванного брожением [Кравецкий, 332].

Основные аргументы членов Собора, положенные в основу данного решения, хорошо выражены словами члена Собора епископа Уфимского и Стерлитамакского Симона (Шлеёва). Он говорил, что «крайне грустным и тяжелым явлением было бы в данном случае хотя бы и временное прекращение служения Литургии» по причине отсутствия пшеничного хлеба и виноградного вина надлежащего качества [Кравецкий, 331]. И далее:

Православная Церковь чужда материализации таинств. В других таинствах (Крещение, Миропомазание, Елеосвящение) по нужде бывает изменение веществ таинств, почему же нельзя в случае крайней необходимости сделать это вышеупомянутое изменение веществ Евхаристии? <...> По молитве священнодействующего в истинную плоть, истинное брашно может быть превращен хлеб и в истинное питание — всякого рода вино, если в том и другом веществе и не будет достаточного количества пшеничной муки или винограда⁶ [Отдел. Л. 574].

Членом Собора А. В. Васильевым была также высказана важная мысль о роли соборности в действительности таинства евхаристии: «В таинстве Евхаристии, думаю я, участвуют не только приносящие оное, но и все молящиеся» [Отдел. Л. 593]. Аналогичную мысль кратко выразил член соборного Отдела М. А. Остроумов, отметив, что «смысл таинства Евхаристии не в цвете веществ, необходимых для оногo, а в единении между собой верующих» [Кравецкий, 330].

Итак, в ходе обсуждения на Поместном соборе вопрос о веществе таинства евхаристии был поставлен в контекст пастырской необходимости совершения литургии для народа. Хотя в духе здравого консерватизма были допущены лишь ограниченные отклонения от привычной практики, с точки зрения литургического богословия члены Собора сделали шаг к обоснованию возможности совершения евхаристии на любых доступных хлебе и напитках. Произошел отход от схоластического представления о принципиальной важности состава вещества святых Даров для совершения таинства. Членами Собора действительность евхаристии связывалась более всего с действием Божиим, совершающимся по молитве предстоятеля в единстве с народом и не обусловленным физическими свойствами используемых веществ. Упоминание роли народа в евхаристии, хотя и не оказалось в центре обсуждения данного вопроса на Соборе, было важным шагом в направлении евхаристического самосознания церкви I–III вв., предвосхитившим будущую практику некоторых исповедников советского времени.

В годы, последовавшие за революцией 1917 г., на фоне нарастающих гонений церковь столкнулась со многими матери-

6. Из выступления еп. Симона (Шлеёва) на заседании Отдела о богослужении, проповедничестве и храме Поместного Собора 7 августа 1918 г.

альными трудностями, в частности, с проблемой приобретения хлеба и вина надлежащего качества для совершения евхаристии. Священнослужители, попадавшие в концентрационные лагеря и желавшие там совершать литургию, практически не имели возможности доставать хлеб и вино. Не все исповедники веры приняли благословленную св. патриархом Тихоном возможность изменения вещества евхаристии. Некоторые клирики даже отказывались от причастия в тюрьме, когда литургия совершалась на клюквенном соке [Марцинковский, 218]. Основным аргументом такого отказа приводит в одном из своих писем к друзьям М. А. Новосёлов. Ссылаясь на «Известие учительное» и другие церковные тексты разной степени авторитетности, он утверждал, что таинство евхаристии в полноте не совершается, если вместо виноградного вина и пшеничного хлеба употребляется что-то иное [Новосёлов, 33]. Здесь М. А. Новосёлов следует уже упомянутому выше и восходящему к митр. Петру Могиле принципу зависимости действенности таинства от используемых веществ.

Существует множество свидетельств о том, что другие исповедники в тюрьме, лагере и ссылке широко практиковали, при отсутствии иных возможностей, совершение евхаристии на любом хлебе, часто очень низкого качества, и ягодном соке. Таким образом в Таганской тюрьме служил митр. Кирилл (Смирнов) [Марцинковский, 218], в лагерях — митр. Николай (Могилевский)⁷, в Соловецком лагере — свящ. Никодим, имевший прозвище «утешительный поп»⁸. Обоснование возможности служить на клюквенном соке у соловецкого священника совершенно идентично аргументации, приводившейся в пользу этой практики на Соборе, что, видимо, не случайно, поскольку многие члены Собора вместе с ним отбывали заключение на Соловках.

Архимандрит Таврион (Батозский) в лагере использовал для евхаристии или часть присланной ему просфоры, или часть хлебной пайки, а вино изготавливал из изюма⁹; в ссылке о. Таврион служил на смеси кагора и вина из изюма [Костина 2008, 315, 317]. Когда в условиях лагеря о. Таврион не мог достать ни вина,

7. Митр. Николай служил в лагере в 1932–1937 гг. на присылаемых кагоре и просфорах «в виде обыкновенных булочек довольно темного цвета» [Святитель Николай, 42].

8. «Таинство Евхаристии он совершал над водой с клюквенным соком. <...> Вина где ж я достану?

А клюковка, она есть виноград стран полуночных, и тот же Виноградарь ее произрастил. Нет в том греха» [Ширяев, 290].

9. «Я и в лагере служил литургию. А откуда вино взять? Пришлют изюм, растолчешь его в воде, он забродит. Вот и вино» [Алабин].

ни сока, ни изюма, то он совершал евхаристию даже на воде¹⁰. Примечательно, что о. Таврион обосновывает возможность служить евхаристию при отсутствии вина на воде теми же евангельскими словами о претворении воды в вино, которые приводились в дискуссии на Соборе.

Итак, среди исповедников веры некоторые оставались сторонниками изложенного в «Известии учительном» строгого требования к составу веществ таинства евхаристии, и именно на этом основании отказывались служить и причащаться при отсутствии такового. Другие же, следуя решению Собора, совершали при необходимости литургию на хлебе любого качества и на соках вместо вина. Некоторые же, как архим. Таврион (Батозский), при отсутствии в лагере всякой возможности достать вино или сок, совершали евхаристию даже на воде. В данном случае эту практику нельзя считать каноническим нарушением. Прежде всего, нормы относительно допустимого вещества таинства, заданные соборным распоряжением, не предполагали таких чрезвычайных условий для служения. Напротив, эта практика является вполне логичным применением литургического богословия членов Собора, обосновывавшего возможность изменения состава вещества евхаристии без умаления действенности таинства. Здесь веществом для евхаристии выступают хлеб и вода, которые были в лагере в тот момент единственной доступной пищей для повседневного употребления. Такая практика использования в заключении повседневной пищи в качестве евхаристических веществ приближается к практике служения церкви до IV в.

Отдавая должное личному мужеству М. А. Новосёлова и его единомышленников в отстаивании православия, следует тем не менее признать, что их консервативная позиция в вопросе о действенности таинства евхаристии фактически делала литургию все менее и менее возможной в условиях нарастающих гонений. Подход, выработанный на Соборе, обладал неоспоримым преимуществом в том, что позволял сохранять литургическую жизнь даже в ситуации самых суровых лишений и, тем самым, более эффективно противостоял попыткам безбожной власти уничтожить церковь.

¹⁰ о. Архимандрит Таврион рассказывал: «Вместо просфоры — хлеб. Господь на Тайной вечере сказал, что хлеб пресуществляется в Его Тело. А вместо вина — вода. В Кане Галилейской Господь претворил воду в вино. И мы все причащались. Были радостны и веселы! С Богом нигде нет потерь!» [Бычков, 127].

2. Священные сосуды

Литургико-канонические памятники II–IV вв. умалчивают о виде, материале и особой роли евхаристических сосудов, что, по-видимому, говорит о том, что до IV в. к ним не предъявляется никаких специальных требований, кроме «технических». Апостольские правила, составленные, как считается, не позднее IV в., запрещают использование литургических сосудов для любой надобности, кроме богослужбной:

Сосуд золотый, или серебряный освященный, или завесу, никто да не присвоит на свое употребление. Беззаконно ибо есть. Если же кто в сем усмотрен будет: да накажется отлучением [*Правила, 145–146*].

Это правило аналогично ветхозаветному требованию не смешивать священное и профанное (см. Приложение, п. 4). К XV в. на христианском Востоке существует отношение к литургическим сосудам как к священным предметам, способным освящать (см. Приложение, п. 5).

Согласно действующему на Руси с XVII в. «Известию учительному», для совершения евхаристии необходимы потир или чаша, дискос, звезда и ложка. Эти четыре сосуда должны быть золотыми, или серебряными, или, в крайнем случае, оловянными, но не из какой-либо меди, железа и тем более не из дерева. Тот, кто будет служить на таких сосудах, согрешит и должен быть наказан епископом. «Известие учительное» в данном месте буквально копирует соответствующую рубрику Требника Петра Могилы, где не дается никакого обоснования такому выбору материалов. По набору допустимых и недопустимых материалов, а также по аналогичным рубрикам наставлений к Римскому миссалу видно, что материал для сосудов выбирается не столько дорогой, сколько не подверженный коррозии и гниению, а также не впитывающий святую Кровь. В «Известии учительном» не утверждается, что в сосудах из неподобающего материала таинство не совершается, а только то, что использующий их иерей получит дисциплинарное взыскание от епископа. Упоминание о деревянных, железных и медных сосудах говорит о том, что они прежде имели широкое употребление в Русской церкви, но в XVII в. стали все больше заменяться на более практичные золотые, серебряные и оловянные (см. Приложение, п. 6). На практике до переворота 1917 г. в богатых храмах предпочтение отдавалось сосудам из драгоценных

металлов с искусными украшениями, как более соответствующим величию совершающегося таинства.

После 1917 г. священнослужители стали лишаться храмов, попадать в ссылку и в заключение, где они были лишены не только права служить, но и не имели подобающих богослужебных сосудов. В этой ситуации Поместный собор 1917–1918 гг. разрешил использование самых простых богослужебных сосудов и облачений в случае потери храма:

Необходимые для Богослужения предметы приобретаются в таких случаях на добровольные даяния верующих, причем священные сосуды могут быть без всяких украшений на них, а облачения из простой ткани: да будет ведомо всем, что Церковь Православная дорожит своими святынями по их внутреннему значению, а не ради материальной ценности, и что насилия и гонения бессильны отнять у нее главное сокровище — святую веру, залог ее вечного торжества, ибо «сия есть победа, победившая мир, вера наша»^{*1} [*Определение*, 29–30].

*1 1 Ин 5:4

Данное определение Собора широко применялось многими исповедниками, которые, оставшись без храма, не прекращали совершение литургии. Например, в тюрьме на самодельной жестяной чаше служил прот. Валентин Свенцицкий [*Фудель*, 108]. В 1948 г., когда архим. Таврион (Батозский) отбывал ссылку и жил в землянке, чашей ему служила консервная банка [*Алабин*]. Впоследствии, снимая комнату в доме, архим. Таврион «имел потаенный престол, антиминос и сосуды для литургического священнодействия» [*Вся жизнь*, 73]. Архимандрит Серафим (Климов) тайно служил в домах, используя для служения специально выделенную домашнюю посуду — хрустальный бокал, блюдце, чайную ложку¹¹. В этих случаях церковная утварь не блистала украшениями — по соображениям конспирации, что не умаляло действенности совершавшегося в ней таинства. Можно сказать, что буквально исполнились слова прот. Владимира Воробьева, произнесенные им еще в 1918 г.: «Вы насилием заберете наши священные сосуды. В домашних сосудах тогда мы совершим страшную жертву Тела и Крови Господней. Без нее мы не можем жить, она — наша жизнь, без нее — наша смерть» [*Воробьев*, 398].

11. «Святая Чаша-потир — хрустальный бокальчик — в каждом доме свой; дискос — блюдечко, копие — ножичек, лжица — маленькая чайная ложечка» [*Арцыбушев*, 102].

Совершать литургию в условиях лагеря было гораздо труднее, чем в ссылке и в подполье. Нарушить запрет на богослужение в лагере было не всегда возможно, и на этот риск шли далеко не все священнослужители. Епископ Афанасий (Сахаров) служил на самодельных деревянных сосудах в ссылке [Ёжикова, 75], но в лагере, по-видимому, он не литургисал. Также не совершал евхаристию в лагере архим. Севастиан (Фомин) и многие другие. Необходимые для совершения евхаристии богослужебные сосуды иметь в лагере было запрещено. Заключенным клирикам очень редко удавалось в условиях лагеря изготавливать и тайно сохранять богослужебные сосуды, которые были обычно небольшого размера и были замаскированы под бытовые предметы¹². Во всех этих случаях служения литургии в церковном подполье, в ссылке и в тюрьме священные сосуды бережно хранились и использовались только для совершения таинства.

Во время лагерного заключения архим. Тавриона (Батозского) были случаи, когда никаких отдельных сосудов для евхаристии не было возможности ни достать, ни изготовить. В этой ситуации потиром в лагере о. Тавриону одно время служила общая кружка для воды¹³. Формально такая практика о. Тавриона нарушает букву 73 Апостольского правила. По своему смыслу и контексту возникновения данное правило имеет своей целью защиту от неблагоговейного отношения к таинству и его святыням. В данном случае священник руководствовался, напротив, благоговейным стремлением к ежедневному причащению, согласно благословению, данному ему архиеп. Могилевским Павлином (Крошечкиным). Подобная практика также имела аналог в истории церкви: в IX в. во время заключения и изгнания причащался из чашки прп. Феодор Студит [Taft 2008, 369].

Таким образом, на пороге начинающихся гонений получившая относительную внешнюю свободу Русская церковь на Поместном соборе выразила свою веру в то, что священные сосуды на литургии не имеют самостоятельной священности подобно Святому Граалю, но должны, прежде всего, служить своей главной цели — совершению таинства евхаристии, созидающего веру и церковную жизнь его участников. Тем самым священ-

12. Потир «утешительного попа» о. Никодима на Соловках был сделан «из плоской немецкой солдатской кружки с ловко подогнанной крышечкой» [Ширяев, 289].

13. Отец Таврион вспоминал: «А где чашу взять? Кружка одна на весь барак, возьмешь ее и служишь. Потом полагается кружку сжечь или закапывать. Но она одна. Вымоешь ее как следует, повесишь назад к бачку, и все пользуются» [Алабин].

*1 Мф 23:17

ность самого таинства вышла на передний план по отношению к используемым на нем священным предметам, что созвучно со словами Спасителя: «Что важнее: золото или Храм, освящающий золото?»*1. Можно видеть, что практика многих, хотя и не всех, исповедников веры во время гонений основывалась именно на этом понимании приоритета таинства по отношению к его атрибутам. В результате стал возможен не только отказ от драгоценных материалов и украшений священных сосудов, упрощающий их изготовление и помогающий их маскировке, но и, в крайней нужде, использование для литургии сосудов, имеющих бытовое употребление. Это означает, что литургическое сознание многих исповедников веры XX в. развивалось в духе решений Поместного собора 1917–1918 гг. в направлении возвращения евхаристическим сосудам только вспомогательного значения по отношению к главной святыне — Телу и Крови Христа. В этой практике исповедники веры возвращаются к евхаристическому сознанию святых I–IX вв. Плодом этого литургического сознания стало колоссальное расширение возможностей сохранения евхаристической жизни церкви в условиях гонений: стало возможно совершать литургию и в церковном подполье, и в ссылке, и в заключении.

3. Облачения

До IV в. на литургии специальные облачения не использовались и евхаристия совершалась в повседневной одежде; специальные богослужебные одежды не являлись обязательным атрибутом совершения литургии. В Византийской империи дивитисий (саккос) и омофор были элементами парадной царской одежды, которую надевал также и патриарх при торжественных богослужениях с участием императора. На Руси саккос являлся парадной одеждой царя и патриарха, а после Петра Великого — всех архиереев [Беляев, 55–57]. Практика Российской православной церкви XVII–XIX вв., отраженная в Чиновнике архиерейского священнослужения и Служебнике, предполагает служение Божественной литургии в полных облачениях. Согласно Чиновнику архиерейского священнослужения, полное облачение епископа на литургии включает подсаккосник (стихарь), епитрахиль, пояс, поручи, палицу, саккос, омофор, крест и панагию, митру [Чиновник, 53–55]. Полное облачение священника, согласно Служебнику, включает подризник (стихарь), епитрахиль, пояс, поручи, набедренник (если есть), фелонь и крест. «Известие учительное» требует,

чтобы облачения были чистые и не рваные (см. Приложение, 7). По существу, оно запрещает небрежение священника к священным одеждам как проявление недолжного небрежения к совершаемому таинству. Византийский императорский церемониал, вошедший в церковный обиход и отраженный в торжественных священных облачениях, в эпоху симфонии церкви и государства в первую очередь был призван подчеркнуть сакральный характер императорской власти [*Поляковская, 21*]. До 1917 г. в Российской православной церкви архиерейские и священнические облачения шились из дорогой парчи и украшались красивой вышивкой. Красота облачений подчеркивала значимость совершающегося богослужения, а также богатство покровительствующего церкви государства¹⁴. Цвета облачений менялись в зависимости от времени церковного года и праздников. Молитвы Служебника, читаемые при облачении, придают каждой части облачения аллегорический смысл, ассоциирующий священника или со священником Ветхого завета — Аароном, или с самим Христом [*Служебник, 78–80*].

Таким образом, литургические одежды, возникшие как часть императорского церемониала в Византии, в Православной Российской церкви к началу XX в. совмещали в себе целый ряд символических значений. Они выражали, прежде всего, высокий государственный статус церковной иерархии и клира. Одновременно, богослужебные одежды священнослужителей подчеркивали их сан и связанные с ним особые литургические функции. Епископ и священник воспринимались отчасти как приносящие жертвы за народ, по аналогии с левитским священством Ветхого Завета, отчасти как раздаватели благодати через таинства, согласно учению Псевдо-Дионисия Ареопагита [*Дионисий Ареопагит, 575–579*]. Кроме того, символика облачений должна была придать всем действиям литургии смысл воспоминания спасительных деяний Господа Иисуса Христа [*Симеон Солунский, 19–29*]. Цвет богослужебных одежд дополнительно выражал содержание празднуемого события или время церковного года.

Во время начавшихся гонений при совершении богослужений в не разоренных храмах или в домашних условиях, в основном продолжалась сложившаяся практика употребления богослужебных одежд. Священнослужители, оказывавшиеся в тюрьмах и ссылках,

14. «Все ставило своей целью явить мощь, богатство, несокрушимость православной Церкви и покровительствующего ей великого государства российского» [*Мать Мария, 20*].

при совершении литургии, когда была такая возможность, использовали традиционные облачения. В 1923 г. в тюрьмах заключенные архиереи и священники еще относительно беспрепятственно совершали богослужения, используя облачения, полученные с воли [*Молитва, 250–252, 256–257*]. Когда не было возможности получить готовые облачения, их изготавливали самостоятельно. Так, например, находясь в 1943 г. в ссылке в казахстанском г. Челкаре архиеп. Николай (Могилевский) служил в доме иерейским чином в простом священническом облачении, которое он сам себе сшил [*Святитель Николай, 54*]. В ссылке в Усть-Выми еп. Афанасий (Сахаров) шил облачения себе и отбывавшим вместе с ним ссылке священникам¹⁵. Архимандрит Таврион (Батозский) в ссылке пользовался скромными священническими облачениями, которые сам шил из присланного материала [*Костина 2010, 91*]. Так же поступали в общинах сщмч. Сергия Мечёва¹⁶. Самодельные облачения могли изготавливаться из простых тканей и не иметь никаких украшений. В лагерях облачения в целях конспирации могли маскироваться под предметы одежды, поэтому в значительной степени теряли свой традиционный вид¹⁷.

Эта практика была во многом предусмотрена в определении Собора, сообщающем, что «внутреннее значение» церковных святынь определяется верой церкви и не зависит от их материала и красоты [*Определение, 29–30*].

Когда не было возможности ни достать, ни изготовить облачения, священнослужители были вынуждены обходиться без богослужебных одежд при служении литургии, в этом отношении возвращаясь к древнейшей практике церкви. Так, например, в тюрьме и в лагерях архим. Таврион (Батозский) совершал литургию без особых облачений.

Некоторые исповедники веры, однако, даже имея возможность служить в традиционном полном облачении, предпочитали более простое или неполное облачение. Например, епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), находясь в ссылке, служил дома «в простой фелони с омофором и маленькой матерчатой митре с иконками, но без всяких украшений» [*Фудель, 77*].

15. «Та риза, которую Вы сшили, и до сих пор цела, и завещаю, чтобы меня в ней и похоронили», — писал владыке 1 января 1958 г. прот. Василий Мухин [*Письма, 6*].

16. Духовный сын сщмч. Сергия Мечёва Владимир Быков вспоминает: «У нас было облачение, сделанное из белого материала, оно было таким

легким, что его можно было свернуть под простыню. Были дискос, копие, дароносица. Все это делал я своими руками» [*Быков*].

17. Отец Никодим на Соловках использовал епитрахиль в виде нагрудника, подбитого ватой [*Ширяев, 289*].

Упрощение богослужебных одежд не являлось лишь следствием невозможности иметь что-то лучшее. Вспоминая служение еп. Афанасия (Сахарова), С. И. Фудель отмечает: «Служение в комнате предъявляет духовные требования к внешности: пышность византийского обряда становится в комнате чем-то громоздким, ненужным и даже досадным» [Фудель, 77]. Логику еп. Афанасия нетрудно понять: византийские облачения как символ «симфонии» церкви и государства, действительно, становились неуместными в эпоху церкви, гонимой государством.

Неслучайность подобной практики подтверждается и тем, что многие епископы продолжали служить в простых облачениях, вернувшись после заключения к служению в храмах. После возвращения в 1925 г. из ссылки епископ Ладожский Иннокентий (Тихонов) иногда служил в скромном древнерусском облачении, им самим изготовленном [Шкаровский, 103]. Митрополит Алма-Атинский Николай (Могилевский) служил в простом священническом облачении не только будучи в ссылке, но также и впоследствии на Алма-Атинской кафедре [Святитель Николай, 54]. В дни празднования памяти преподобных Сергия Радонежского, Серафима Саровского и Нила Столбенского он всегда служил в льняном священническом облачении по иерейскому чину, без митры, панагии, с одним крестом на груди.

Когда его спросили, почему он так делает, он ответил:

— Как подумаю, кем были эти святые старцы, так стыдно мне становится надевать наши парчовые облачения. Они в простых облачениях служили, а какой святости достигли! Нам бы хоть чуточку их святости... — и вздохнет, бывало [Святитель Николай, 70].

Изменение отношения исповедников веры к облачению, выраженное вышеприведенными словами митр. Николая, не только отражает конец эпохи «симфонии» церкви с государством, но и говорит о существенном изменении самосознания совершителей богослужения в отношении своей роли в совершении таинства евхаристии. Для них становится более важным не то, кого священнослужитель на литургии изображает, а то, кем он в действительности является. В этих фактах можно усмотреть сдвиг акцента в богословском осмыслении богослужения. Литургия перестает восприниматься преимущественно как аллегорическое изображение истории спасения. Митрополит Николай обращает главное внимание в литургии на реальное движение себя

и паствы к святости Христа, о которой говорят сами тексты евхаристических молитв.

Особого рассмотрения заслуживает практика использования архим. Таврионом (Батозским) символики цветов литургических облачений. После освобождения из ссылки и возвращения к служению в храмах о. Таврион облачался в красивые мантии собственного покроя [Алабин]. Архимандрит Таврион во время службы переоблачался несколько раз в одежды разного цвета¹⁸ [Костина 2010, 120]. Он начинал службу в фелони традиционного цвета (желтого или голубого); этот цвет облачения на литургии оглашаемых у отца Тавриона отражал главную тему праздника данного дня. Перед анафорой он облачался в красную фелонь, а перед причастием надевал белую¹⁹. Лев Алабин вспоминает:

За литургией отец Таврион переодевался три раза. Этого никто не делает. Обычно ризы во время литургии священники меняют только на Пасху. А у него каждая литургия была Пасхой. <...> После перенесения Даров, отец Таврион неожиданно появлялся в красной фелони. Он переодевался мгновенно. Вошел в Царские врата в белой, или синей, а вышел уже в пурпурно-красной [Алабин].

Архимандрит Таврион считал, что «в церкви внешние формы, действия, возглашения должны отражать смысл совершающегося» [Вся жизнь, 76]. Здесь позиция архим. Тавриона близка к позиции митр. Николая — литургия не столько «изображение» пути спасения, сколько реальное приближение и приобщение ко Христу.

Из приведенных фактов следует, что о. Таврион менял цвета облачений, чтобы не только обозначить тему праздника, но и выделить смысл важнейших частей литургии²⁰, помогая всем участникам литургии входить в духовную реальность происходящего таинства. Употребляемые поныне постоянные цвета облачений, сохраняющиеся на всей литургии, делают ее в значительной степени атрибутом праздника. Есть пасхальная, рождественская, успенская и т. д. литургии. То есть праздник оказывается «первич-

18. Во время служения в Ярославской епархии.

19. «Во время литургии о. Таврион трижды менял облачение: начинал служить в облачении уставного цвета (желтом, голубом и т. д.), Евхаристию служил всегда в красном, а причащал в белом, как на Пасху» [Шатов].

20. «Служение архим. Тавриона было огненным, творческим, открытым. Он менял облачения, символизируя ими реальность Евхаристии, а не просто тот или иной минейный праздник, как это обычно происходит в наших храмах...» [Литургия отца Тавриона, 62].

ным» по отношению к литургии и определяет цвет облачений и некоторые другие ее богослужебные особенности. Для о. Тавриона, напротив, сама евхаристия являлась наибольшим праздником, т. е. Пасхой, когда бы она ни совершалась. Каждой литургии у о. Тавриона был присущ пасхальный характер, что он стремился выразить в символике красного и белого цветов облачений. Вот почему в своих письмах к схимонахине Евсевии (Потапенко) он называл таинство евхаристии «Пасхальной утреней» [Костина 2008, 323]. Если для о. Тавриона красный цвет облачений во время евхаристического канона символизировал Крестную Жертву Христа, то белый цвет во время причащения, как можно предположить, для него был знаком Воскресшего Христа, Которому мы приобщаемся через святые Дары.

Данная практика использования архим. Таврионом богослужебных цветов хотя и является, возможно, уникальной в XX в., выявляет тот же сдвиг в литургическом сознании некоторых исповедников веры, который проявился в упрощении архиерейских и пресвитерских облачений. На первый взгляд, эта практика как будто следует традиционному восточному методу аллегорического истолкования частей литургии, только меняет их символический ряд. Однако в отличие от толкований, например, свт. Симеона Солунского [*Симеон Солунский*], осмысление частей литургии у архим. Тавриона напрямую отражает содержание евхаристических молитв и то, что происходит, согласно с этими молитвами, со всеми участниками церковного собрания.

Итак, возникшая после 1917 г. практика упрощения литургических облачений объяснялась не только объективными трудностями, но и сознанием неуместности излишней пышности для гонимой церкви, а также изменением богословского осмысления литургии — смещением акцента с аллегорического изображения спасительного служения Христа на реальное освящение участников таинства, испрашиваемое в литургических молитвах. Этот же процесс проявился в особом использовании богослужебных цветов в практике архим. Тавриона (Батозского).

Заключение

Таким образом, исследованные источники выявили многообразие литургического опыта исповедников веры XX в. в условиях гонений. В некоторых случаях происходил отказ от совершения литургии и причастия при отсутствии хлеба и вина надлежащего

качества, а также подходящих священных сосудов. В других случаях евхаристия совершалась на хлебе любого доступного качества и на ягодных соках или даже на воде при отсутствии вина. При этом, если не было других возможностей, в качестве евхаристических сосудов использовалась бытовая посуда, служение совершалось в упрощенных облачениях или вообще без таковых.

Каждый из этих подходов формировался не только под диктатом внешних обстоятельств. Происходило определенное смещение акцентов в евхаристическом сознании исповедников. В первом случае преимущественным основанием для веры в действительность таинства оставалось соблюдение всех требований к составу хлеба и вина и правильным действиям священнослужителя, согласно букве «Известия учительного». Второй подход стал логическим продолжением решений Поместного собора 1917–1918 гг. о допустимости в случае необходимости изменения состава веществ и упрощения атрибутов таинства евхаристии. Решения Собора и продолжившая их практика некоторых исповедников веры отражают отход церковного сознания от «антиохийской» интерпретации литургии как воспоминания спасительных событий жизни Христа [Taft 1981, 62]. Напротив, усиливается акцент на «александрийском» истолковании таинства евхаристии как реального соучастия в Тайной вечере, возглавляемой Христом [Taft 1981, 61, 70]. Этот же акцент в интерпретации проявляется в практике использования цветов богослужебных одежд для выявления не темы праздника, а содержания совершаемых литургических действий и молитв. За практикой упрощения литургических облачений стоит тенденция к освобождению литургической практики от черт, выражающих прекратившиеся в XX в. «симфонические» отношения церкви и государства. Смещение акцентов в литургическом сознании церкви, инициированное Поместным собором 1917–1918 гг., позволило сохранять литургическую жизнь даже в условиях церковного подполья, ссылок, тюрем и концентрационных лагерей.

В дальнейшем для проверки и детализации полученных выводов и более точного понимания, насколько общими являются упомянутые выше сдвиги литургического сознания святых XX в., представляется необходимым изучение более широкого корпуса агиографических источников, а также сравнительно-историческое исследование других аспектов практики совершения Божественной литургии: порядка использования антиминов и участия в богослужении лаиков.

Приложение

1. «Ты подошел к алтарю и увидел таинства, пребывающие на алтаре. Ты был удивлен, что это только пища, притом обычная и хорошо знакомая... Возможно, ты скажешь: “Это мой обычный хлеб”. Но этот хлеб является хлебом только до таинственных слов; когда подошло время освящения, из хлеба он становится *Плотью Христовой*» [*Амвросий Медиоланский, 221, 225*].

2. «Веществом для Таинства Тела Господа нашего Иисуса Христа является хлеб из чистой пшеничной муки, замешанный на простой воде и хорошо испеченный, квасной, не пересоленный, свежий и чистый; имеющий приятный и свойственный для хлеба вкус. <...> Квасной же хлеб, но изготовленный из какого-либо другого зерна кроме пшеницы, служить веществом для Тела Христова также не может. ...Таинство на таком хлебе не совершится. <...> Веществом для Крови Христовой является вино из виноградных плодов... <...> Вином не являются и не могут быть соки, изготовленные из различных овощей и ягод... ...Таинство на таком вине не совершится» [*Служебник, 433–435*].

3. «Отдел о богослужении, проповедничестве и храме доложил Совещанию епископов, что “находит возможным в случаях крайней нужды и невозможности достать пшеничной муки и красного виноградного вина, разрешить совершение Таинства Евхаристии: а) на просфорах, изготовленных не только из пшеничной, но и тщательно просеянной ржаной муки; б) на других сортах (как красного, так и белого) сладких виноградных вин; на виноградном соке, изюмном вине (согласно примеру Церкви Абиссинской), а равно и на ягодных соках или винах (вишневом, смородиновом, черничном)”. Совещание епископов передало подготовленный Отделом доклад “О веществе для таинства Евхаристии” Высшему Церковному Управлению Русской Православной Церкви, которое после окончания работы Собора секретно распространило по епархиям циркулярное распоряжение о том, что по нужде Евхаристия может совершаться “на ржаном хлебе за неимением пшеничного, и на некоторых ягодных соках за отсутствием виноградного вина”» [*Кравецкий, 332*].

4. Зонара комментирует это правило так: «Отделенное Богу не должно обращать на обычное употребление (ибо оно освящено),

будет ли это какой-либо сосуд, или ткань (ибо наименованием завесы правило обозначало всякую ткань), или елей, или воск. Принесение сих вещей в храм Божий освящает оныя» [*Правила, 145*]. Ср.: «Это священное масло — помажь им Шатер Встречи, ковчег Завета, стол со всеми сосудами, светильник с его принадлежностями, жертвенник для воскурений, жертвенник для всесожжений и его утварь и чан с подставкой. Освяти все это — и оно станет святыней святынь. Все, что коснется этих предметов, станет святыней» *¹.

*¹ Исх 30:25–29

5. «Во время великолепного сего шествия все верующие достойно преклоняют свои главы ко Иереям и творят поклоны, прося молитв их и воспоминания при священнодействии Божественном, равно же и изъявляя почтение Святым Дарам. Ибо хотя совершенно они еще не освящены: однако уже предпосвящены Богу в Проскомидии, где Священником принесено о них моление Господу, чтобы восприял Он их в пренебесный жертвенник, хотя они не претворялись еще совершенно в тело и кровь Господню, но к жертвоприношению сему уже приготовлены и суть жертва Богу, суть предызображения Владычнего тела и крови. Ежели мы Святым иконам воздаем честь и поклонение: то еще больше должны поклоняться сим Священным Дарам, которые, по изъяснению великого Василия, суть вместообразная, суть предначертания высочайших Таинств, и предназначены к тому великому совершению, чтобы быть телом и кровью Христовой. Надобно же припадать ко Иереям и для священных сосудов, от них несомых, хотя б были некоторые из них и пусты. Все суть исполнены Святыни по причине совершаемых в них Даров. Не должно же сему и удивляться, что некоторые из сосудов священных, не имея никакого в себе вложения, в сей знаменитой церемонии носятя. Ибо носят их из благоговения к Святым Дарам и для того, дабы как взирающие на них, так и приближающиеся к ним получили освящение» [*Симеон Солунский, 46*].

6. «С самой глубокой древности эти сосуды старались делать соответственно величию Таинства, на них совершаемого, — из золота или серебра. Даже во времена гонений христиане имели золотые и серебряные сосуды. Употреблялись также сосуды из стекла, олова, меди, железа, даже дерева. Такого рода сосуды вошли в употребление особенно в период широкого распро-

странения веры и Церкви, когда многие отдаленные и бедные приходы не могли приобрести или изготовить дорогие дискосы и потиры, что было и в Русской Церкви, где в древности в отдаленных храмах и обителях употреблялись при богослужении сосуды из простых металлов и дерева. Знамениты деревянные дискос и потир Преподобного Сергия Радонежского. Такого рода сосуды благословлялись лишь в силу крайних обстоятельств, так как деревянная чаша неизбежно впитывает в себя часть Крови Христовой, ее невозможно отереть дочиста; кроме того, дерево — очень ломкий и хрупкий материал; стекло еще более хрупко, хотя обладает гладкостью и чистотой; железо и медь окисляются. Евхаристические сосуды делались из яшмы, агата, обрамлялись серебром и золотом, украшались драгоценными камнями. Когда церковная жизнь в России достигла высокого уровня развития, в середине XVII в., церковными распоряжениями было установлено делать дискосы и потиры из золота или серебра или в крайних случаях из олова, но не из дерева и меди» [*Настольная книга*, 89–90].

7. «Иерей и диакон перед служением Божественной Литургии должен быть чист как душой, так и телом, и как чистое тело, так и чистые и целые одежды должен иметь на себе. Если же одежды будут весьма грязные, или разорванные, и иерей дерзнет в них служить, то смертно согрешит, поскольку этим уничижит Христа Бога, в Пречистых Тайнах Своих истинно пребывающего. Об этом всячески заботиться должны все священнослужители, имея хотя и нищие, но благообразные и чистые священные одежды» [*Служебник*, 412].

Литургические источники

1. *Амвросий Медиоланский* = Амвросий Медиоланский, свт. О таинствах // Он же. Собрание творений : На латинском и русском языках : В 6 т. Т. 1. М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 179–265.
2. *Дионисий Ареопагит* = Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии // Он же. Сочинения : Толкования Максима Исповедника. СПб. : Алетейя : Изд-во Олега Абышко, 2002. С. 567–735.
3. *Настольная книга* = Настольная книга священнослужителя : В 8 т. Т. 4. М. : Изд-во Московской патриархии, 2001. 814 с.
4. *Определение* = Определение Священного Собора Православной Российской Церкви об охране церковных святынь от кощунственного захвата

- и поругания от 30 августа (12 сентября) 1918 года // Священный Собор Православной Российской Церкви : Собрание определений и постановлений : Выпуск четвертый : Приложение к «Деяниям» второе. М. : Издание Соборного Совета, 1918. С. 28–30.
5. *Отдел* = Священный Собор Православной Российской Церкви : Протоколы и стенограммы заседаний Отдела о проповедничестве, богослужении и храме. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283. Л. 1–623.
 6. *Правила* = Правила святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец с толкованиями. М. : Тип. современных известий, 1876. 175 с.
 7. *Симеон Солунский* = Симеон Солунский, свт. Книга о храме Божьем и о служащих в нем. М. : Сибирская благовонница, 2016. 126 с.
 8. *Служебник* = Служебник. М. : Издательский Совет РПЦ, 2006. 443 с.
 9. *Требник* = Требник митрополита Петра Могилы. Репр. изд. 1646 г. Ч. 1. Киев : Богослужбная литература, 1996. 947 с.
 10. *Чиновник* = Чиновник архиерейского священнослужения : В 2 т. Т. 1. М. : Издание Московской патриархии, 1982. 251 с.

Исторические источники

1. *Алабин* = Алабин Л. Н. Архимандрит Таврион. URL: <https://www.proza.ru/2016/04/17/921> (дата обращения: 26.11.2019).
2. *Арцыбушев* = Арцыбушев А. П. Сокровенная жизнь души : По запискам монахини Таисии. М. : Духовная нива, 2004. 125 с.
3. *Быков* = Быков В. В. Потаенная жизнь общины отца Сергия Мечёва. URL: <https://psmb.ru/a/potaennaya-zhizn-obshchiny-otca-sergiya-mecheva.html> (дата обращения: 25.11.2019).
4. *Бычков* = Бычков С. С. Страдный путь архимандрита Тавриона. М. : Тэтис Паблишн, 2007. 464 с.
5. *Воробьев* = Из слова прот. Владимира Воробьева перед молебном о защите церкви, по поводу декрета об отделении церкви от государства // Церковные ведомости. 1918. № 11–12. С. 396–398.
6. *Вся жизнь* = Вся жизнь — Пасха Христова : Архимандрит Таврион (Батозский) : Жизнеописание. Воспоминания духовных чад. Проповеди / Сост. Владимир Вильгерт, свящ. М. : Отчий дом, 2001. 206 с., [16] л. ил.
7. *Ёжикова* = Сергия (Ёжикова), игум. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. Сергиев Посад : Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2014. 400 с.
8. *Костина 2008* = Костина В. С. Выбираю путь Христов : Судьбы духовенства и монашества Земли Пермской : XX век. Пермь : Звезда, 2008. 494 с., ил.

9. *Костина 2010* = Костина В. С. Богом моим пройду стену : Подвиг исповедничества архимандрита Тавриона (Батозского). Пермь : Звезда, 2010. 376 с., ил.
10. *Литургия отца Тавриона* = Литургия отца Тавриона : Беседа со священником Георгием Кочетковым // Христианос. 1998. № 7. С. 61–74.
11. *Марцинковский* = Марцинковский В. Ф. Записки верующего. Новосибирск : Посох, 1994. 271 с.
12. *Мать Мария* = Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни. М. : СФИ, 2016. 68 с., ил.
13. *Молитва* = Молитва всех вас спасет : Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия епископа Ковровского. М. : Изд-во ПСТБИ, 2000. 710 с., ил.
14. *Новоселов* = Новоселов М. А. Письма к друзьям. М. : ПСТБИ, 1994. 354 с.
15. *Письма* = Письма разных лиц к епископу Афанасию (Сахарову) : В 2 кн. / Вст. ст., примеч., подг. текста О. В. Косик . Кн. 1. М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. 800 с., ил.
16. *Святитель Николай* = Святитель Николай, митрополит Алма-Атинский и Казахстанский : Жизнеописание митрополита Алма-Атинского и Казахстанского Николая (Могилевского) / Сост. В. Королёва. М. : Паломник, 2000. 671 с.
17. *Фудель* = Фудель С. И. Собрание сочинений : В 3 т. / [Сост., подгот. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной]. Т. 1 : Воспоминания. У стен Церкви. Воспоминания об отце Николае Голубцове. Моим детям и друзьям. Письма. М. : Русский путь, 2001. 645, [1] с., [9] л.
18. *Шатов* = Пантелеймон (Шатов), еп. Священноисповедник архимандрит Таврион. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tavrion_Batozskij/svjashhennoispovednik-arhimandrit-tavrion/ (дата обращения: 26.11.2019).
19. *Ширяев* = Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада // Воспоминания соловецких узников. Т. 1. Соловки : Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2013. С. 200–362.
20. *Шкаровский* = Шкаровский М. В. Александро-Невское братство : 1918–1932 годы. СПб. : Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003. 269 с.

Исследования

1. *Беляев* = Беляев Д. Ф. ВIZANTIA : Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. II. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1893. 374 с.
2. *Кравецкий* = Кравецкий А. Г. Историко-литургическая справка профессора И. А. Карабинова «О евхаристическом хлебе и вине» // Богословские труды : Юбилейный сборник. 1998. № 34. С. 324–333.

3. *Кумарьянос* = Кумарьянос Павел, прот. Историко-литургические аспекты византийской евхаристии // Православное учение о церковных таинствах : Материалы V международной богословской конференции РПЦ (Москва, 13–16 ноября 2007) : В 3 т. Т. 1. М. : Синод. библейско-богословская комиссия, 2009. С. 437–460.
4. *Поляковская* = Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV века : «Театр власти». Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. 334 с.
5. *Erickson* = Erickson J. H. The Challenge of Our Past : Studies in Orthodox Canon Law and Church History. Crestwood, NY : St. Vladimir's Seminary Press, 1991. 174 p.
6. *Koumarians* = Koumarians Pavlos, archpriest. Symbol and reality in the Divine Liturgy. URL:https://www.jacwell.org/Liturgical%20Music/symbol_and_reality_in_the_divine.htm (дата обращения: 13.11.2019).
7. *Taft 1981* = Taft R. F. The Liturgy of the Great Church : An Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclasm // *Dumbarton Oaks Papers*. 1980–1981. № 34–35. P. 45–75.
8. *Taft 2008* = Taft R. F. A history of the liturgy of st. John Chrysostom. V. 6 : The Communion, Thanksgiving, and Concluding Rites. Roma : Pontificio Instituto Orientale, 2008. 857 p. (*Orientalia Christiana Analecta*; 281).

M. I. Zelnikov

On the history of the Liturgical practice of orthodox church in the XX century: the use of holy objects and substances

The article focuses on the research of possible outer and inner reasons of certain peculiarities of eucharistic worship concerning usage of bread, wine, holy vessels and vestments in Russian orthodox church in XX century in time of persecutions. Expecting future deprivation, the All Russian Local Council of 1917–1918 allowed to celebrate eucharist using rye bread, berry juice, simplified and cheap vessels and vestments at emergency. We investigate why after the Council in the absence of wheat bread and grape wine some clergymen refused celebrating eucharist while others used for eucharistic worship bread of any content, juices or even water, crockery instead of chalice and non-standard vestments. We show that under the ideological influence of the Council there appeared the following tendencies in the practice of XX century confessors of faith: 1) vanishing in liturgical actions features symbolizing “symphony” of church and state; 2) weakening of scholastic requirements to the content of eucharistic substances; 3) deviation

from “Antiochene” symbolism of eucharist as salvation history to “Alexandrine” interpretation of this sacrament as real co-participation of believers in the Last Supper.

KEYWORDS: new martyrs and confessors of XX century, eucharist, theology, liturgical practice, holy objects, the content of eucharistic substance.

Referenses

LITURGICAL SOURCES

1. Ambrose of Milan, st. (2012). “O tainstvakh” [“On the Sacraments”], in Idem. *Sobranie tvorenii : Na latinskom I russkom iazykakh* [Collection of creations : In Latin and Russian]: In 6 v., v. 1, Moscow : Publ. PSTGU , pp. 179–265. (Russian translation).
2. *Chinovnik arkhiereiskogo sviashchennosluzheniia* [Episcopal service book] : In 2 v., v. 1. Moscow : Publ. Moskovskoi Patriarkhii, 1982 (in Russian).
3. Dionisii Areopagit (2002). “O tserkovnoi ierarkhii” [“Ecclesiastical Hierarchy”], in Idem. *Sochineniia : Tolkovaniia Maksima Ispovednika*, St. Petersburg : Aleteiia : Publ. Olega Abyshko, pp. 567–735 (Russian translation).
4. *Nastol'naiia kniga sviashchennosluzhitelia* [Priest's Handbook] : In 8 v., v. 4. Moscow : Publ. Moskovskoi Patriarkhii, 2001 (in Russian).
5. *Pravila sviatykh apostol, sviatykh soborov vselenskikh I pomestnykh I sviatykh otets s tolkovaniiami* [The rules of the holy apostle, the holy cathedrals of the ecumenical and local, and the holy fathers with interpretations]. Moscow : Publ. Sovremennykh Izvestii, 1876 (in Russian).
6. Simeon Solunskii (2016). *Kniga o khrame Bozh'emi o sluzhashchikh v nem* [A book about the temple of God and about the servants in it]. Moscow : Sibirskaiia blagozvonitsa (Russian translation).
7. *Sluzhebnik* [Service book]. Moscow : Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2006 (in Russian).
8. *Svjashchennyj Sobor Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi. Protokoly I stenogrammy zasedanij otдела o propovednichestve, bogosluzhenii I hrane* [Holy Council of the Russian Orthodox Church. Minutes and transcripts of meetings of the preaching department, worship and the temple], coll. 3431, aids 1, fol. 283, pp. 1–623 (in Russian).
9. *Sviashchennyi Sobor Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Sobranie opredelenii I postanovlenii. Vypusk chetvertyi. Prilozhenie k “Deianiiam” vtoroe* [Holy Council of the Orthodox Russian Church. Collection of definitions and regulations. The fourth release. Appendix to the “Acts” second]. Moscow : Publ. Sobornogo Soveta, 1918 (in Russian).

10. *Trebnik mitropolita Petra Mogily* [Service book of Metropolitan Peter Mogila]. Repr. ed. 1646. Kiev : Bogoslužebnaia literature, 1996 (in Russian).

HISTORICAL SOURSES

1. Alabin L. (2016). *Arkhimandrit Tavrion* [Archimandrite Tavrion], available at: www.proza.ru/2016/04/17/921 (26.11.2019) (in Russian).
2. Artsybushev A. P. (2004). *Sokrovennaia zhizn' dushi : Po zapiskam monakhini Taisii* [Secret Life of the Soul : According to the notes of the nun Taisia]. Moscow : Dukhovnaia niva (in Russian).
3. Bychkov S. S. (2007). *Stradnyi put' arkhimandrita Tavriona* [The suffering path of Archimandrite Tavrion]. Moscow : Tetis Pablshn (in Russian).
4. Bykov V. V. *Potaennaia zhizn' obshchiny ottsa Sergiia Mecheva* [Secret life of the community of Father Sergius Mechev], available at: www.psmb.ru/a/potaennaya-zhizn-obshchiny-otca-sergiya-mecheva.html (25.11.2019) (in Russian).
5. Fudel' S. I. (2001). *Sobranie sochinenii* [Collected works] : In 3 v., v. 1: *Vospominaniia. U sten Tserkvi. Vospominaniia ob ottse Nikolae Golubtsove. Moim detiam i druž'am. Pis'ma* [Memories. At the walls of the Church. Memories of Father Nikolai Golubtsov. To my hildren and friends. Letters]. Moscow : Russkii put' (in Russian).
6. Koroleva V. (ed.) (2000). *Sviatitel' Nikolai, mitropolit Alma-Atinskii Kazakhstanskii : Zhizneopisanie mitropolita Alma-Atinskogo i Kazakhstanskogo Nikolaia (Mogilevskogo)* [Saint Nicholas, Metropolitan of Alma-Ata and Kazakhstan : Biography of Metropolitan of Alma-Ata and Kazakhstan Nicholas (Mogilev)]. Moscow : Palomnik (in Russian).
7. Kosik O. V. (ed.) (2013). *Pis'ma raznykh lits k episkopu Afanasiiu (Sakharovu)* [Letters from various persons to Bishop Athanasius (Sakharov)] : In 2 v., v. 1. Moscow : PSTGU publ. (in Russian).
8. Kostina V. S. (2008). *Vybiraiu put' Khristov : Sud'by dukhovenstva i monashestva Zemli Permskoi : XX vek.* [I choose the path of Christ : The fate of the clergy and monasticism of the land of Perm : Twentieth century]. Perm' : Zvezda (in Russian).
9. Kostina V. S. (2010). *Bogom moim proidu stenu : Podvig ispovednichestva arkhimandrita Tavriona (Batozskogo)* [By my God I shall go over the wall : The feat of the confession of Archimandrite Tavrion (Batoz)]. Perm' (in Russian).
10. *Liturgiia ottsa Tavriona : Beseda so sviashchennikom Georgiem Kochetkovym* [Liturgy of Father Tavrion : Conversation with Priest Georgy Kochetkov]. *Khristianos*, 1998, n. VII, pp. 61–74 (in Russian).

11. Martsinkovskii V. F. (1994). *Zapiski veruiushchego* [Notes of the Believer]. Novosibirsk : Posokh (in Russian).
12. Mat' Mariia (Skobtsova) (2016). *Tipy religioznoi zhizni* [Types of Religious Life]. Moscow : St. Philaret's Cristian Orthodox Institut (in Russian).
13. *Molitva vseh vas spaset : Materialy k zhizneopisaniiu sviatitelia Afanasiia episkopa Kovrovskogo* [Prayer will save you all. Materials for the biography of St. Athanasius Bishop Kovrovsky]. Moscow : PSTBI Publ., 2000 (in Russian).
14. Novoselov M. A. (1994). *Pis'ma k druž'iam* [Letters to friends]. Moscow : PSTBI (in Russian).
15. Panteleimon (Shatov), bishop. *Sviashchennoispovednik arhimandrit Tavrion* [Priest Archimandrite Tavrion], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Tavrion_Batozskij/svashhennoispovednik-arhimandrit-tavrion/ (26.11.2019) (in Russian).
16. Sergiia (Ezhikova), hegumenia (2014). *Sviatitel' Afanasiia (Sakharov), ispovednik i pesnopisets* [Saint Athanasius (Sakharov), confessor and songwriter]. Sergiev Posad : Izdatel'stvo Sviato-Troitskoi Sergievoi Lavry (in Russian).
17. Shiriaev B. N. (2013). "Neugasimaia lampada" ["Unquenchable lamp"], in *Vospominaniia solovetskikh uznikov*, v. 1, Solovki : Spaso-Preobrazhenskii Solovetskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr', pp. 200–362 (in Russian).
18. Shkarovskii M. V. (2003). *Aleksandro-Nevskoe bratstvo : 1918–1932 gody* [Alexander Nevsky Brotherhood : 1918–1932]. St. Petersburg: Pravoslavnyi letopisets Sankt-Peterburga (in Russian).
19. Vladimir Vil'gert, priest. (ed.) (2001). *Vsia zhizn' — Paskha Khristova : Arkhimandrit Tavrion (Batozskii) : Zhizneopisanie. Vospominaniia dukhovnykh chad. Propovedi* [All life is the Passover of Christ : Archimandrite Tavrion (Batozsky) : Biography. Memories of spiritual children. Sermons]. Moscow : Otchii dom (in Russian).
20. Vladimir Vorob'ev, arhiprist. (1918). "Iz slova pered molebnom o zashchite tserkvi, po povodu dekreta ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva" ["From a word before the prayer about the protection of the church, regarding the decree on the separation of the church from the state"]. *Cerkovnye vedomosti*, 1918, n. 11–12, pp. 396–398.

RESEARCHES

1. Beliaev D. F. (1893). *BIZANTIA : Ocherki, materialy I zametki po vizantiiskim drevnostiam* [Essays, materials and notes on Byzantine antiquities], v. 2, St. Petersburg : Tipografiia I. N. Skorokhodova (in Russian).
2. Erickson J. H. (1991). *The Challenge of Our Past : Studies in Orthodox Canon Law and Church History*. Crestwood, NY : St. Vladimir's Seminary Press.

3. Kravetskii A. G. (1998). "Istoriko-liturgicheskaja spravka professora I. A. Karabinova 'O evharisticheskom hlebe i vine'" ["Historical and liturgical reference of Professor I. A. Karabinov 'On Eucharistic bread and wine'"], in *Bogoslovskie Trudy*, 1998, n. 34, pp. 324–333 (in Russian).
4. Koumariansos Pavel, archpriest (2009). "Istoriko-liturgicheskie aspekty vizantiiskoi evkharistii" ["Historical and liturgical aspects of the Byzantine Eucharist"], in *Pravoslavnoe uchenie o tserkovnykh tainstvakh : Materialy V mezhdunarodnoi bogoslovskoi konferentsii RPTs (Moskva, 13–16 noiabria 2007)* : In 3 v., v. 1, Moscow : Sinodal'naia Bibleisko-Bogoslovskaja komissii, pp. 437–460.
5. Koumariansos Pavel, archpriest. *Symbol and reality in the Divine Liturgy*, available at: www.jacwell.org/Liturgical%20Music/symbol_and_reality_in_the_divine.htm (15.09.2019).
6. Poliakovskaia M. A. (2011). *Vizantiiskii dvortsovyi tseremonial XIV veka : "Teatr vlasti"* [Byzantine Palace Ceremony in XIV Century : "Theater of Power"]. Ekaterinburg : Publ. Ural'skogo Universiteta (in Russian).
7. Taft R. F. (1980). "The Liturgy of the Great Church : An Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclasm". *Dumbarton Oaks Papers*, 1980–1981, n. 34–35, pp. 45–75.
8. Taft R. F. (2008). *A history of the liturgy of st. John Chrysostom*, v. 6 : The Communion, Thanksgiving, and Concluding Rites. Roma : Pontificio Istituto Orientale (*Orientalia Christiana Analecta*; 281).